

Сознание словно погрузилось на дно ледяного океана, где в хаосе мыслей пульсировала острая боль, пронзающая всё тело до самого сердца. Когда Си Юй с трудом разлепил веки, первое, что предстало его взору, были не скромные деревянные балки постоялого двора, а купол черного дерева, украшенный жемчужными подвесками. Жемчужины тихонько позвякивали при малейшем движении клетки, издавая сухой и неприятный звук, до боли напоминавший его собственное разбитое сердце.

Он пошевелил пальцами. Кончики коснулись белоснежного лисьего меха, устилавшего дно клетки; мягкий ворс хранил в себе остатки холода, который, казалось, пропитал его до самых костей. В следующую секунду резкая боль в лодыжках рывком вернула его в реальность: они были плотно обмотаны толстыми белыми бинтами, но стоило ему лишь слегка напрячься, как сломанные кости отозвались новым приступом агонии, заставив тело содрогнуться от судороги. Только теперь он осознал, что лежит в клетке, а его ноги зафиксированы в специальных деревянных распорках, из-за чего даже перевернуться на другой бок было несбыточной мечтой.

— Проснулся — не притворяйся мертвым.

Холодный голос донесся снаружи, пропитанный неприкрытой яростью. Си Юй с трудом поднял голову; его небесно-голубые глаза подернулись дымкой от боли и страха. В расплывчатом мареве он увидел Цзинлю, стоявшую перед клеткой. Ледяные узоры на ее черно-синем доспехе тускло поблескивали в свете свечей, а на носке ее сапога виднелось пятнышко еще не засохшей крови — его собственной или чьей-то еще, он не знал.

Не дожидаясь, пока Си Юй что-то скажет, Цзинлю внезапно ударила носком сапога по прутьям. Клетка из черного дерева яростно закачалась, жемчужные подвески хлестнули его по лицу, и мелкие бусины больно впились в кожу. Он инстинктивно сжался, пытаясь укрыться от внезапной атаки, но в следующее мгновение острый носок сапога просунулся сквозь прутья и с силой ударил его в живот.

— Угх!

Острая боль взорвалась внутри, словно раскаленный нож, ворочающийся в кишках. Си Юй резко согнулся, судорожно обхватив живот руками. Холодный пот градом катился по белоснежным волосам, пропитывая воротник. Он хотел закричать, но горло будто перехватило, и из него вырвался лишь жалкий всхлип. Небесно-голубые глаза наполнились слезами, которые неконтролируемо катились по щекам и падали на лисий мех, оставляя темные пятна.

— Теперь больно? — в голосе Цзинлю не было ни капли жалости. Она снова подняла ногу, и на этот раз носок сапога с пугающей точностью прошелся по его перебинтованной лодыжке.

— А-а-а!

Боль от перелома пронзила всё тело, словно электрический разряд. Си Юй больше не мог сдерживаться и издал пронзительный крик. Его тело забило в конвульсиях, девять

белоснежных лисьих хвостов в ужасе распушились, но у него не было сил даже на то, чтобы хоть как-то защититься. Он мог лишь смотреть на Цзинлю, возвышавшуюся над ним; казалось, ее глаза, скрытые черной повязкой, видели его отчаяние насквозь.

— Беги же. Ты ведь так мастерски умел это делать, — Цзинлю наклонилась, просунула пальцы сквозь прутья и, ухватив Си Юя за подбородок, заставила посмотреть на себя. — Тебе ведь казалось, что ты сможешь сбежать у меня из-под носа? Что же ты теперь не бежишь?

Ее пальцы были ледяными, а хватка — настолько крепкой, что, казалось, она вот-вот раздавит его челюсть. Си Юй оцепенел от боли, у него не осталось сил даже на борьбу, поэтому он лишь невнятно замотал головой:

— Я... я был неправ... не бей меня больше...

— Неправ? — Цзинлю усмехнулась и отпустила его лицо. Голова Си Юя тяжело упала обратно на мех. — В чем же ты неправ? В том, что попытался сбежать, или в том, что решил, будто я тебя отпущу?

Она снова занесла ногу, но на этот раз ударила не по нему, а по распоркам на дне клетки. Деревянная конструкция отозвалась сухим щелчком, и лодыжки Си Юя вновь пронзила разрывающая боль. В глазах потемнело, он был на грани обморока, но до крови закусил губу, чтобы не издать ни звука — он знал, что мольбы о пощаде лишь спровоцируют еще большую жестокость, как это было в прошлые дни.

Цзинлю смотрела, как он дрожит от боли, упорно стиснув зубы, и в ее красных глазах — даже скрытых повязкой, чувствовался этот ледяной взгляд — промелькнуло сложное, неуловимое чувство. Она опустила ногу, выпрямилась и, глядя сверху вниз на юношу, похожего на сломанную куклу, произнесла холодным, как лед, тоном:

— Я давала тебе шанс, но ты им не воспользовался.

Она помолчала, ее взгляд скользнул по вздыбленным лисьим хвостам и его бледному, но по-прежнему прекрасному лицу. В голосе зазвучала болезненная уверенность:

— Эта клетка больше прежней, здесь ты можешь лежать и переворачиваться. Отныне ты останешься здесь, и тебе никуда не уйти.

— Я буду каждый день менять тебе повязки и приносить самую лучшую еду, — пальцы Цзинлю едва коснулись прутьев, и серебряные колокольчики отозвались тихим звоном. — Если будешь послушным, боли больше не будет. Но если ты еще хоть раз посмеешь подумать о побеге...

Она не закончила фразу, но невысказанная угроза зависла над головой Си Юя, словно ледяной клинок. Он лежал на меху, чувствуя, как пульсирует боль в лодыжках и животе, и смотрел на

равнодушную спину Цзинлю. Последний огонек надежды в его небесно-голубых глазах медленно угасал.

Он понял, что в этот раз ему действительно не выбраться. Эта клетка побольше — не проявление милосердия, а лишь более надежная тюрьма. Цзинлю сломала ему ноги, а заодно и последнюю крупичку мужества, позволявшую сопротивляться. Отныне он будет лишь птицей в клетке, ожидающей в этой роскошной темнице ежедневных «милостей» своей хозяйки, навсегда лишившись возможности коснуться солнечного света за прутьями.

Пламя свечи дрогнуло, удлиняя тень Цзинлю на стене клетки, словно огромную сеть, плотно окутывающую Си Юя. Он закрыл глаза, и безмолвные слезы покатились по щекам, впитываясь в лисий мех. Лишь тихий вздох, едва слышный в наполненной холодом комнате, растворился в пустоте.

<http://bllate.org/book/20757/2081630>